

ния студентов и преподавателей, бытовые зарисовки. Если сначала воспоминания были сходны с развернутым послужным списком автора, написанным «высоким штилем», но сухим и сдержанным тоном, то в XIX в. с каждым десятилетием воспоминания становились живее, раскованнее, глубже по содержанию. Уяснение исторической роли записок, дневников, воспоминаний способствовало дальнейшему развитию отечественной мемуаристики.

В. Г. ЧЕРНУХА

НЕИЗВЕСТНОЕ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЕ СОЧИНЕНИЕ А. И. ВАСИЛЬЧИКОВА

А. И. Васильчиков был известным общественным деятелем и плодовитым публицистом 60—70-х годов XIX в., писавшим преимущественно на социально-экономические, прежде всего аграрные темы. Его труды, отзывавшиеся на самые злободневные вопросы, неизменно вызывали внимание и отклики современников, чаще благожелательные, иногда резкие. Своей остроты они не утратили и позже, в 80—90-е годы, и постоянно использовались в научной литературе и публицистике, в частности в спорах марксистов с либеральными народниками. С его работами был знаком К. Маркс.¹ К ним обращался В. И. Ленин в связи с рассмотрением воззрений «друзей народа», относя экономические идеи Васильчикова к народническим, а его самого — к «народничающим помещикам».² Работы Васильчикова были столь характерным явлением в развитии русской экономической мысли пореформенной поры, что советские ученые, предпринявшие изучение экономических взглядов того времени, в обобщающем труде избрали их в качестве специального объекта исследования, увидев в них концепцию дворянского экономического либерализма.³

Васильчиков, бесспорно, крупная и интересная фигура переломного времени, отразившая в своих сочинениях взгляды современников и активно влиявшая на их формирование, а потому и заслуживающая всестороннего изучения. Но не все сочинения его были изданы. В отличие от социально-экономических его политические взгляды мало известны. Именно поэтому стоит рассмотреть одно из его сочинений, не увидевшее света.

Князь А. И. Васильчиков (1818—1881)⁴ принадлежал по происхождению и положению к самым верхним слоям российского

¹ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1929, т. IV, с. 407—411; М., 1952, т. XII, с. 162—163.

² Ленин В. И. 1) Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? — Полн. собр. соч., т. 1, с. 243; 2) Развитие капитализма в России. — Там же, т. 3, с. 197.

³ История русской экономической мысли. М., 1959, т. 2, ч. 1, с. 72—88.

⁴ Биографические сведения о нем см.: Голубев А. Князь Александр Илларионович Васильчиков. СПб., 1882. 156+46 с.

дворянства. Его отец в 1838—1847 гг. был председателем Государственного совета, т. е. первым чиновником империи. Окончив юридическое отделение университета, А. И. Васильчиков отправился на Кавказ для участия в проведении там административной реформы. На Кавказе судьба свела его с М. Ю. Лермонтовым, в трагической дуэли которого с Н. С. Мартыновым он был секундантом поэта. За это военный суд лишил Васильчикова чинов и прав состояния, но он был тут же помилован «во внимание к заслугам отца». Выдвижение Васильчикова в первые ряды общественных деятелей и затем в ряды публицистов либерального толка происходит сразу же после крестьянской реформы, когда он, захваченный общим подъемом периода первой революционной ситуации, решает посвятить себя общественной службе, приняв участие в осуществлении важнейших преобразований. (Между прочим, для этого он пожертвовал службой государственной, отказавшись, в частности, от предложения занять пост новгородского губернатора).⁵ У Васильчикова было большое имение в Новгородской губ., и его деятельность надолго оказалась связана с этим районом. В 1862 г. он вошел в состав губернского по крестьянским делам присутствия, созданного для решения споров, возникающих в связи с применением «Положений» 19 февраля 1861. Введение в 1864—1865 гг. земских учреждений привело Васильчикова в ряды земцев, ибо в учреждениях местного самоуправления он увидел поприще для сотрудничества «общества» с самодержавием. Он баллотируется и избирается сначала в уездные, а затем в губернские гласные. В работе новгородского земства он принимает участие, играя в нем ведущую роль, вплоть до 1872 г., когда, раздраженный стеснением правительством земской деятельности и индифферентностью его к самым лояльным земским предложениям, он произносит знаменитую речь о том, что в таких условиях земству остается лишь «самоупраздниться», и покидает земство.⁶ После этого он вплоть до кончины возглавлял Петербургский комитет кредитных и ссудо-сберегательных товариществ.

Публицистика Васильчикова оказалась теснейшим образом связана с его общественной деятельностью. Заниматься журналистикой он начал еще будучи в рядах земских деятелей. До нас дошло собственноручное признание Васильчикова о причинах, толкнувших его к публицистике: «Я начал писать о разных социальных и экономических вопросах, когда еще можно было надеяться предупредить замешательства», — говорится в его письме, написанном вскоре после 1 марта 1881 г.⁷ Надежда на предотвращение революционных волнений — вот что двигало пером Васильчикова и определяло его концепции, содержавшие пред-

⁵ Валуев П. А. Дневник. М., 1961, т. 1, с. 148; ЦГИА СССР, ф. 651, оп. 1, д. 601, л. 1—3.

⁶ Фирсов Н. Н. Силуэты времени реформ. — Ист. вестник, 1910, № 2, с. 498.

⁷ Русская речь, 1881, № 11, с. 87.

ложения об уступках духу времени. Служба в крестьянских, а затем земских учреждениях определила проблематику его крупнейших работ. Повседневная земская деятельность побудила его в общей форме поставить вопрос о роли и характере самоуправления в Европе и России.⁸ В этой, как и других работах, Васильчиков стоит на точке зрения российской самобытности, неприемлемости простого заимствования европейских образцов.

В 70-е годы начинают прорисовываться результаты проведения крестьянской реформы и — в силу ее половинчатости — вновь обостряется крестьянский вопрос. Кризисные явления в деревне, недовольство помещиков приводят к созданию в 1872 г. первой пореформенной сельскохозяйственной комиссии. Ее работа в законопореформенном смысле оказалась бесплодной, но заслуга ее состояла в том, что она собрала и опубликовала обширный материал о положении в деревне, в том числе и статистический,⁹ в то время как земская и официальная статистика еще только складывались. Материалом ее широко воспользовались все экономисты и публицисты, писавшие в 70—80-е годы по аграрному вопросу. Васильчиков в 1873 г. был в числе помещиков, вызванных в эту комиссию для дачи сведений о состоянии деревни и представления своих соображений. Участие в работе комиссии (размышления над ее вопросником, представление ответов по нему), ее материалы в значительной мере подвели Васильчикова к созданию другого его капитального труда, на этот раз по аграрному вопросу.¹⁰ И на этот раз его занимает сравнительно-исторический анализ условий аграрного производства и землевладения в Европе и России. Работа вызвала множество откликов, но наиболее известный из них, возможно вследствие его особенной остроты и пристрастности, — книга В. И. Герье и Б. Н. Чичерина.¹¹ Последний признавался, что к участию в этой совместной работе его вынудили восторженный прием книги Васильчикова публикой (а он нашел ее «хаосом понятий») и ее «социалистический дух».¹²

В поисках средств помощи сельскому хозяйству Васильчиков начинает интересоваться сельскохозяйственным кредитом. Первым практическим столкновением его с этой проблемой было его участие в Обществе взаимного поземельного кредита, учрежденном в 1866 г. для кредитования крупно- и среднепоместного дворянства под залог имений. Затем он участвовал в организации

⁸ Васильчиков А. О самоуправлении. Сравнительный обзор русских и иностранных земских и общественных учреждений. СПб., 1872, т. I. 460 с.; 1873, т. II. 545 с.

⁹ Доклад высочайше учрежденной Комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России. СПб., 1873, т. 1—5.

¹⁰ Васильчиков А. Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах. СПб., 1876, т. 1—2. 1008 с.

¹¹ Герье В., Чичерин Б. Русский дилетантизм и общинное землевладение. М., 1878. 250 с.

¹² Чичерин Б. Н. Воспоминания. Земство и Московская дума. Л., 1934, с. 68—69.

ссудо-сберегательных товариществ, занимавшихся мелким кредитом. Отсюда возникла еще одна его книга, на этот раз о кредите.¹³ Этими сочинениями перечень работ Васильчикова отнюдь не исчерпывается, но здесь названы главные его произведения, составляющие его репутацию публициста.

Но кроме многочисленных экономических работ, у Васильчикова были и редкие публицистические выступления в печати по общественно-политическим вопросам. В этом случае он, как и другие его современники (в их числе К. Д. Кавелин, А. И. Кошелев, Ю. Ф. Самарин, Б. Н. Чичерин), прибегал к помощи европейских издателей, публиковавших русскоязычные сочинения.

Первое такое выступление Васильчикова имело место в 1868 г. История его такова. В 1866—1867 гг. русские либералы были сильно обеспокоены слухами о том, что в правительственных кругах зреет идея поворота внутренней политики от буржуазно-либеральных преобразований, основанных на принципе всесловности или бессловности, к принципу сословности, дворянской исключительности. В конце 1867 г. среди высшей бюрократии по распоряжению министра внутренних дел была довольно широко распространена деловая записка псковского губернатора Б. П. Обухова. В ней излагались его взгляды на состояние губернии и предложения по сплочению на местах консервативных элементов в соответствии с известным рескриптом 13 мая 1866 г., в котором «всем начальникам отдельных правительственных частей» предписывалось иметь в виду содействие «здравых, охранительных и добронадежных сил».¹⁴ То же опасение, что реакция способна лишь усилить народное недовольство, сжать пружину, с тем большей силой разворачивающуюся, которое заставило К. Д. Кавелина вскоре после покушения 4 апреля 1866 г. подать Александру II записку о нигилизме,¹⁵ руководило Ю. Ф. Самариным и Васильчиковым, в руки которых попал экземпляр типографски размноженной ведомственной записки Обухова. Они решили издать ее за границей, дабы ознакомить русскую читающую публику с консервативной программой и парализовать ее действие с помощью своих комментариев к ней. Издателем записки, снабдившим ее введением, объяснявшим происхождение этого документа, явился Самарин, комментарии-возражения написал Васильчиков, на этот раз фигурировавший в качестве псковского помещика. В конце записки было помещено примечание, сообщавшее, что получено известие о назначении Обухова товарищем министра внутренних дел.¹⁶ Разумеется, это усиливало впечатление значимости консервативной программы, предложенной Обуховым. Не вдаваясь в подробности, скажем, что этот

¹³ Васильчиков А. И., Яковлев А. В. Мелкий земельный кредит в России. СПб., 1876. 112 с.

¹⁴ ПСЗ, т. XLI, № 43298.

¹⁵ Ист. архив. М., 1950, т. V, с. 323—341.

¹⁶ Русский администратор новейшей школы. Записка псковского губернатора Б. Обухова и ответ на нее. Берлин, 1868. 78 с.

публицистический демарш был продиктован стремлением убедить правительство и общество в неприемлемости пути отступления от реформ.

Другое выступление Васильчикова в заграничной русской прессе произошло уже после большого временного промежутка, в 1875 г., когда он обратился с открытым письмом к министру просвещения Д. А. Толстому с протестом против спешного и искусственного насаждения классического среднего образования, рассматриваемого как «охранительная мера».¹⁷

Однако оказалось, что Васильчиков готовил еще одно публицистическое выступление, заполняющее эту временную лауну. Среди бумаг семейного архива Васильчиковых сохранилась рукопись его сочинения, которое показывает, что он намеревался продолжить полемику с консервативно-охранительной линией в политике. Это сочинение стоит в прямой связи как с критикой записки Обухова, воспринятой либералами в качестве самого раннего программного документа консерваторов, так и письмом к Толстому по поводу введения классических гимназий как одной из последних акций консервативной правительственной группировки.

Сочинение Васильчикова¹⁸ имеет своего рода титульный лист, на котором имя автора не проставлено, а есть лишь зашифрованное название сочинения — «Тн. плц. в России» (т. е. «Тайная полиция в России»). Название это не должно вводить в заблуждение, ибо работа посвящена не III отделению с. е. и. в. канцелярии, хотя об этом учреждении и говорится на страницах работы, а направлению внутренней политики, которое Васильчиков называет «реакционарным» (а также «консервативным» и «охранительным»). Проведение этого направления всеми современниками без исключения связывалось с именем П. А. Шувалова, в 1866—1874 гг. это учреждение возглавлявшим. А название — всего лишь эффектный публицистический прием, несколько смещающий истинные акценты этого сочинения, ибо оно, несомненно, носит более общий характер.

На этом же листе помещен справа, под названием работы, эпиграф из «Духа законов» Монтескье, цитата о роли шпионажа, что как бы подкрепляет название книги. Однако самый текст, первый лист рукописи, имеет и другой эпиграф, на этот раз из Н. В. Гоголя. Вслед за писателем публицист вопрошает: «Русь, куда несешься ты? Дай ответ! Не дает ответа». Этот-то эпиграф весьма точно выражает идею работы: размышления о перспективах развития России по консервативному пути.

Сочинение написано на листах писчей бумаги большого формата, исписанных с двух сторон. Всего в рукописи 44 таких листа. Текст разбит на более или менее равные по объему разделы («параграфы», «письма», как называет их автор), всего их 11.

¹⁷ Васильчиков А. Письмо министру народного просвещения графу Толстому. Б/м, 1875. 49 с.

¹⁸ ЦГАИ СССР, ф. 651, оп. 1, д. 936, л. 1—44 об.

Большая часть рукописи (разделы I—X) переписаны набело четким почерком переписчика, последний перебелен самим Васильчиковым. Писарская часть рукописи носит множество следов авторской правки карандашом и чернилами: вычеркивания, поправки в тексте, правку или вставки, вынесенные на поля, дополнения текста в конце и начале разделов. Вместо вычеркнутого в конце III раздела и в начале IV рукой Васильчикова на полулиста линованной бумаги написан новый вариант. В разделе IX вычеркнуто обширное подстрочное примечание, содержавшее таблицу численного соотношения дворянства и крестьянства в Центральной России и в западных губерниях.

Такое состояние рукописи позволяет предположить, что автор, создав первую редакцию и считая ее завершенной, отдал черновик переписчику, а позже вернулся к работе над ней, переделав несколько основной текст и написав еще один раздел. В итоге появилась вторая редакция сочинения.

Рукопись поддается относительно точной датировке. Первые десять ее разделов написаны не ранее второй половины 1872 г., ибо в них упоминается начавшая выходить с января этого года газета В. П. Мещерского «Гражданин», причем как издание, лицо которого уже определилось. Самый поздний срок их написания — ноябрь 1873 г., ибо в разделе о просвещении не упоминается декабрьский рескрипт Д. А. Толстому об учреждении контроля дворян над народными школами. Это была одна из акций консервативной правительственной группировки, и автор, перечисляя ее деяния, не преминул бы упомянуть об этом документе, вызвавшем столь сильное возмущение в либеральных рядах. Стало быть, основные разделы были написаны Васильчиковым в этом промежутке, после того как он оставил земскую деятельность, лишившись иллюзий относительно возможности сотрудничества «общественности» с правительством. Протестом против этой политики, подрывающей общественную активность, и должно было стать произведение «Тайная полиция в России».

XI раздел, резюмирующий содержание, был написан позже. В нем упоминается устав о всеобщей воинской повинности, утвержденный 1 января 1874 г. С другой стороны, весь текст и эта часть рукописи направлены против шефа жандармов П. А. Шувалова (правда, его имя в рукописи не фигурирует, но угадывается без сомнений), который был отставлен летом 1874 г. Значит, заключение было написано в первой половине этого года.

Васильчиков мог предназначать свою работу для распространения в рукописи, но, скорее всего, она готовилась для издания за границей, видимо, анонимного. К передаче в типографию рукопись была не совсем готова: надо было раскрыть ее название, можно было расшифровать имена известных деятелей (И. С. Аксакова, А. М. Горчакова, Д. А. Милютина), обозначенные лишь литерами. Вообще для работы характерно почти полное отсутствие имен собственных. Помешала же изданию этого сочинения, надо полагать, поглотившего много времени и усилий автора, какая-то

весьма основательная причина. Скорее всего, это была отставка шефа жандармов, признанного лидера консервативной группировки. Ее можно было истолковать как несогласие Александра II с этой консервативной политикой, а потому следовало повременить, чтобы выяснить, какой оборот примет политика. Работа, слишком заостренная на одной персоне — шефе жандармов, внезапно утратила в такой именно форме свое значение. Однако значение исторического источника она сохранила в полной мере. Это и свидетельство современника о событиях внутренней политики, и авторская исповедь, характеризующая взгляды этого видного общественного деятеля и публициста, которым будет еще заниматься не одно поколение историков.

* * *

Разделы сочинения Васильчикова не имеют заголовков, они лишь обозначены римскими цифрами, но, чтобы дать представление о структуре и одновременно о содержании работы, их можно условно назвать так:

I. Введение;	VII. Печать;
II. Понятие «реакция»;	VIII. Образование;
III. Поворот к реакции;	IX. Состав консерваторов. (Национальный вопрос);
IV. Тайная полиция;	X. Внешняя политика;
V. Аристократическое дворянство;	XI. Заключение.
VI. «Остальное» дворянство;	

I раздел¹⁹ — это размышления автора над ходом внутренней политики за предшествующие сто лет, начиная от екатерининского времени и кончая царствованием Николая I. Отправная точка рассуждений Васильчикова — констатация факта постоянных колебаний внутренней политики, смена каждые 10—15 лет либерального направления реакционным. Как правило, каждое царствование отмечено обоими этими направлениями, причем начало царствования обычно отмечено неглубоким, «бессознательным» либерализмом (даже в царствовании Николая I Васильчиков видит если не либеральный, то во всяком случае умеренный период), конец — такой же «бессознательной» реакцией. Вся ответственность за эти колебания лежит на «высших правительственных сферах», бросающихся из стороны в сторону вследствие поверхностности убеждений и чувства страха. Поэтому на них и лежит ответственность за появление оппозиционного движения, ими же к жизни и вызванного. Большое место в рассуждениях Васильчикова занимает судьба декабристов, на чьей стороне все его симпатии. Для него декабристы — люди, порожденные «либеральными заискиваниями» Александра I и поощряемыми им же «сладкими речами о конституциях, эмансипации» и т. п. Уверовав в основа-

¹⁹ Там же, л. 1—4 об.

тельность намерений императора, они всерьез занялись этими «высокими предначертаниями» и были сметены очередным поворотом к реакции. Васильчиков заявляет, что он не намерен давать очерк внутренней политики и живописать факты. Его интересует влияние этих частых смен курса политики на состояние общества. И вывод его жесток для «правлящих сфер»: неустойчивость политики пагубно влияет на общество, порождая безверие и индифферентность. И либеральные, и консервативные меры равным образом — вследствие краткости временной амплитуды колебаний политики — не успевают дать всходы, принести полезные плоды. Участь деятелей и либерального, и консервативного толка одинаково печальна: их сметает очередной поворот. Их деяния разрушаются. В доказательство он приводит яркий пример бесплодности внутренней политики Александра I. Либеральный период его царствования дал России М. М. Сперанского, сосланного затем в Сибирь и не завершившего своих планов. Реакционный период дал А. А. Аракчеева, удаленного от политики в его имение. Главное его детище — военные поселения — после бунта поселян были упразднены. Вредность колебаний политики в том, что они обескровливают Россию, лишая ее лучших сынов, ибо либеральные периоды возвращают умных и энергичных деятелей, которые не успевают еще достичь зрелости и осуществить задуманное, а реакционные — отбрасывают их от государственного управления. Разгром декабристов, пишет Васильчиков, вызвал «глубокую пустоту в русском обществе, лишившемся в декабристах лучших своих представителей». Судьба посмеялась над Николаем I, который, оказавшись после разгрома декабристов в окружении посредственностей, не способных к серьезной деятельности, вынужден был в своих реформаторских попытках искать исполнителей в рядах «друзей и сообщников ссыльных декабристов».

Такова общая посылка работы Васильчикова, предшествующая разделам, посвященным непосредственному анализу реакционного направления, обнаружившегося в политике Александра II.

II раздел²⁰ сразу же, без характеристики первого периода царствования Александра II, в контексте датируемого автором 1855—1865 гг., вводит читателя во второй, «реакционный» период. Главное, что намерен здесь раскрыть автор — свое понимание термина «реакция» применительно ко второй половине 60-х — началу 70-х годов. Этим термином он пользуется наряду с понятиями «консерватизм» и «охранительство». Разъяснение это автору было необходимо сделать вследствие ведущихся тогда споров: существует ли во внутренней политике реакционное направление? Часть публицистов утверждала, что либеральные реформы провозглашены, проводятся, не ревизованы и именно это определяет лицо внутренней политики. Не имея возможности перечеркнуть этот аргумент, но стоя на иных позициях, Васильчиков по-

²⁰ Там же, л. 5—7 об.

ясняет, что именно он вкладывает в понятие «реакция». Соглашаясь с тем, что контрреформы не имеют места в политике, Васильчиков верноподданнически выражает уверенность, что император и не допустит их ревизии. С его точки зрения, реакция проявляется иначе. Во-первых, в том, что «влиятельный кружок записных консерваторов» завладел «временной властью». Почти все министерские посты заняты лицами, в период разработки реформ находившихся в оппозиции к ним. Во-вторых, в том, что «реакция обнаружилась не в законодательных актах, а в секретных инструкциях и конфиденциальных переписках, не в мероприятиях и действиях, а в отзывах начальствующих лиц, их частных разговорах и личных сношениях, не в министерствах и департаментах, которые до сих пор наполнены чиновниками, слывшими недавно радикалами, а в гостиных и кабинетах великосветского общества, где крестьянские учреждения, земство и гласный суд составляют предмет обыденных насмешек и едких нареканий».²¹

III раздел²² определяет рубеж в политике, переход правительства от политики «прогресса» к политике «реакции», и характеризует события, этот переход обеспечившие.

Поворот Васильчиков относит не к моменту покушения Д. В. Каракозова, как то внешне выглядит, а к месяцам, покушению предшествовавшим. Он сообщает, что зимой 1865/66 г. в Петербург собралась вся русская аристократия, после 1861 г. резъехавшая по имениям и за границу, демонстрируя свое несогласие с условиями отмены крепостного права. Прибыли и «особы, находившиеся в родственных связях с царской фамилией (имеются в виду Бобринские, — В. Ч.) и также негодовавшие на демократическую политику русского правительства». Съезд в столицу аристократии (поясним, что поводом послужил юбилей свадьбы императора) резко усилил разговоры о разрушительности реформ и необходимости воздействовать на политику в консервативном духе, оттеснить с государственных постов «красных», «радикалов» (т. е. либеральную группировку). Выстрел Каракозова для планов консерваторов оказался весьма кстати и был ими использован для нагнетания страха перед «нигилизмом». Действия аристократии по «совокуплению всех консервативных сил» начались с организации в 1866 г. Общества взаимного поземельного кредита, которое должно было стать организационным центром консерватизма. Общество призвано было «доказать, что крупные собственники могут сами собой и независимо от правительства и капиталистов» решить проблему кредитования помещиков. Надежды на собственные материальные силы вскоре рухнули, и Общество обратилось за помощью и к иностранным банкирам, и к русской казне, но, считает Васильчиков, в ходе создания этого кредитного учреждения «некоторые лица, считавшие себя главарями консерватизма в России, сблизилась, сговорились и в скором времени

²¹ Там же, л. 6 об.

²² Там же, л. 8—11 об.

достигли желаемого — высших должностей государственного управления». Васильчиков находил, что в момент составления его сочинения только два министра (подразумевались, очевидно, Д. А. Милютин и М. Х. Рейтерн) не принадлежали к консервативной (или «аристократической», «великосветской») партии.

Программа пришедшей к власти консервативной группы, считает Васильчиков, была изложена в записке «одного губернатора» (т. е. Обухова), по его утверждению, инспирированной. В действиях центральной и местной администрации в конце 60-х — начале 70-х годов он видит реальное воплощение программы, набросанной Обуховым. Обнаруживая хорошее ее знание, он уделяет записке Обухова довольно большое место в разделе.

Вернувшись к ранее высказанной мысли о том, что в законодательстве не найти следов действий охранителей, он бегло характеризует текущую административную практику в области крестьянского и земского дела, печати, суда, называя ее «системой подконов». И завершает раздел словами, являющимися одновременно переходом к следующему разделу: «И так как для таковой подпольной и подземной работы нужны политические минеры, привыкшие работать в темноте и подводить ходы под неприятельские укрепления, то эта часть государственного управления и была поручена особому ведомству, ставшему во главе всех ведомств под скромным названием III отделения с. е. и. в. канцелярии».²³

IV раздел²⁴ целиком посвящен истории тайной полиции в России, ее месту и роли во внутренней политике начала 70-х годов. Автор констатирует «чрезмерное преобладание полицейско-административной власти» среди других ведомств, лишившихся вследствие этого своей «самостоятельности». Против этого и против вторжения тайной полиции в частную жизнь и намеревался Васильчиков возвысить свой голос.²⁵

V раздел²⁶ имел целью объяснить, какая часть дворянства заинтересована в реакционной (консервативной) политике. Автор пишет, что русское дворянство в отличие от европейского — сословие новое, созданное Петром I, сословие открытое, сложившееся практически из всех образованных и служилых людей XVIII—XIX вв. и уже по этой своей природе не могущее настаивать на привилегированности, сословности и реакции. Напротив, оно склонно к прогрессу и либерализму и всегда являлось инициатором либеральных преобразований. Однако русское дворянство неоднородно, и в этом истоки как либеральных, так и консервативных его устремлений. XVIII век, по Васильчикову,

²³ Там же, л. 11 об.

²⁴ Там же, л. 12—16 об.

²⁵ Подробно о деятельности III отделения в то время и о программе его главноуправляющего см.: Оржиховский И. В. Самодержавие против революционной России. (1826—1880). М., 1982, с. 96—167; Черпуга В. Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. Л., 1978, с. 67—117.

²⁶ ЦГИА СССР, ф. 651, оп. 1, д. 936, л. 17—20 об.

создал в русском дворянстве слой придворных, возвысившихся милостью монархов (преимущественно императриц), укрепившихся возле трона, принимавших участие во всех дворцовых переворотах и интригах. Этот слой воспринял в силу своего положения европейскую культуру и европейские понятия, неприложимые к России. Для этой части дворян характерен полный отрыв от русской почвы, ибо в своих поместьях они не живут, образование получают за границей, а если и в России, то в учебных заведениях вроде иезуитских школ. Смешанные браки (преимущественно русско-польские и русско-немецкие), переход в католичество еще больше отдалили эту группу от «народной» России. Более всего эта группа напоминает английский высший свет, но в отличие от него занимается не только светскими делами, но и политикой. От английских же лендлордов ее отличает незнание местной жизни. (Хорошая осведомленность в местных делах — преимущество английского помещика, признает Васильчиков. Отметим этот важный момент, ибо в публицистике того времени консервативно настроенную часть аристократического дворянства часто называли лендлордами за их стремление играть ведущую роль в районах своих поместий). Именно эта часть дворянства заняла ныне все высшие государственные должности и пытается проводить политику, выражающую лишь личные ее интересы, мнения и устремления. По замечанию Васильчикова, эта группировка скомпрометировала себя при разработке реформ неправильными установками, а потому они были разработаны и проведены без нее. Это обстоятельство и нынешние ее промахи, включая поддержку космополитской «Вести» и отказ поддержать националистическую платформу «Московских ведомостей», развенчало этот слой дворянства в глазах другой его части, в первую очередь провинциальных помещиков.

В VI разделе²⁷ Васильчиков противопоставлял великосветской группе взгляды, интересы и настроения «остального» дворянства. Оно состояло из части петербургского, в том числе придворного и титулованного, но не принимаемого в аристократических салонах и не разделяющего взглядов консерваторов (к ней автор, надо полагать, причислял и себя), всего московского дворянства (представителей древних «столбовых» родов, обедневших, впавших в опалу и удалившихся из чиновного Петербурга) и всего провинциального дворянства. Именно этому «остальному» дворянству Россия обязана реформами 60-х годов. Они отстояли освобождение крестьян с землей и общину, без чего России грозило бы «поголовное восстание» крестьян. Они разработали и осуществили последующие преобразования и дали деятелей, самоотверженно служивших во всех вновь созданных институтах — крестьянских учреждениях, мировых судах, земстве. Васильчиков восторженно отзывался о земской деятельности поместного провинциального дворянства, доказывал, что оно отставало там ин-

²⁷ Там же, л. 21—23 об.

тересы всех сословий. В качестве наиболее убедительного примера тому он приводил повсеместное выдвижение земствами в 1871 г. предложения о всесословном подоходном налоге, лишавшем дворянство одной из основных привилегий.²⁸ Печальным следствием того, что правительство неблагожелательно отнеслось к бескорыстной службе провинциального дворянства в крестьянских и земских учреждениях, было разочарование последнего и отход от общественной деятельности. (Здесь Васильчиков подразумевал и свою личную судьбу). Индифферентизм же в делах общественных Васильчиков считал явлением самым опасным.

В VII разделе²⁹ рассматривается политика в области печати. По представлениям Васильчикова, при множестве оттенков периодическая печать принципиально подразделяется на два направления — славянофильское и западническое. Симпатии автора — и он этого не скрывает — на стороне славянофилов, в первую очередь И. С. Аксакова, панегирик которому занимает значительное место. Главную ошибку правительства представляют гонения на печать вообще и славянофильскую в особенности. «Направление московской прессы, — пишет Васильчиков, относя всю ее к славянофильскому направлению, — было не только безвредно, но по существу полезно для самых видов правительства».³⁰ Недалековидность правительства выразилась в том, что оно обрушилось с репрессиями на Аксакова, много сделавшего для «противодействия нигилистическому направлению». В упрек правительству Васильчиков ставит и административное преследование издателей «Московских ведомостей» М. Н. Каткова и П. М. Леонтьева. «Ни „Колокол“, ни „Современник“ в самых радикальных своих статьях не возбуждали в высшем обществе такого озлобления, как издание этих двух талантливых и ученых профессоров, которые по своему нраву скорее склонны к службе в полиции, чем к политическому агитаторству», — утверждает автор.³¹ Васильчиков неоднократно подчеркивает, что не принадлежит к числу людей, безоговорочно поддерживающих издателей «Московских ведомостей», но считает, что именно они своевременно выразили национально-патриотическую идею, и в этом он отдает им должное. Имея в виду прекращение издания «Дня», «Москвы», «Москвича» и снятие «Московскими ведомостями» с обсуждения национальной проблемы в самом конце 60-х годов, Васильчиков жалеет, что тем самым оказались выведенными из литературной борьбы наиболее противостоящие западническим концепциям издания. Основание нескольких консервативных органов («Весть», «Русский мир», «Гражданин»), считает автор, не изменило общего направления печати, почти все столичные изда-

²⁸ Подробно см.: Чернуха В. Г. Всеподданнейший доклад комиссии П. А. Валуева от 2 апреля 1872 г. как источник по истории податной реформы в России. — Вспом. ист. дисциплины, 1969, т. II, с. 262—269.

²⁹ ЦГИА СССР, ф. 651, он. 1, д. 936, л. 24—29.

³⁰ Там же, л. 24 об.

³¹ Там же, л. 25.

ния которой «редактируются в духе, несогласном с реакционными тенденциями администрации». В числе изданий, «союзнических» по отношению к администрации, он называет «Московские ведомости», «Русский мир» и «Гражданин», но указывает, что речь идет лишь о совпадении отдельных идей издателей с отдельными установками некоторых ведомств. В качестве примера упоминается полное согласие редакции «Московских ведомостей» и Министерства просвещения по вопросу об образовании. Перенос же тему политики в области печати на самую общую почву, Васильчиков утверждает, что это вопрос не дискуссионный, ибо недавняя русская история доказала, что с неверными и опасными взглядами можно бороться только с помощью свободы печати, в то время как всякого рода запреты и преследования оказывают только «действие рекламы».

VIII раздел³² посвящен политике в области народного просвещения, точнее, среднего образования, а именно печально знаменитому новому гимназическому уставу с его ориентацией на обязательное изучение древних языков и предоставлением преимуществ лицам, окончившим классические гимназии, за счет выпускников реальных училищ. Однако эта часть работы Васильчикова как неопубликованной наименее важна, ибо, когда автор отказался от мысли об издании своего сочинения, эта часть легла в основу опубликованного в 1875 г. его письма Д. А. Толстому. Оно дает полное представление об отношении Васильчикова к реформе среднего образования.

IX раздел³³ несколько нарушает структуру работы, ибо в нем автор возвращается к уже данной им в разделе V характеристике состава консервативной (аристократической) партии, обеспечивающей «реакционное» направление в политике. Здесь, правда, главное внимание автора привлекают имущественные интересы части польской аристократии и прибалтийского баронства, с точки зрения Васильчикова, составляющих основную массу консервативной группировки. Основу общности всей группировки обеспечивает аграрный вопрос, общее стремление ее к восстановлению вотчинных прав. Поскольку в этом разделе довольно много места уделено особенностям положения помещиков в западных и прибалтийских районах, то правомерно рассматривать его как трактующий тему национальной политики, некоторых ее граней.

Этот раздел сочинения, пожалуй, единственный, который мог — в случае появления его на свет анонимно — пролить свет на его авторство. Дело в том, что в нем упоминаются два частных совещания петербургской аристократической группировки с участием Васильчикова, где обсуждалась консервативная программа, причем на одном из них присутствовало всего шесть человек, из них двое (автор говорит о них отстранению) позже за-

³² Там же, л. 30—33.

³³ Там же, л. 34—39.

няли государственные посты. Стало быть, для осведомленного петербургского общества нужно было «вычислить» автора как одного из остающихся четверых участников, что и было бы нетрудно сделать. Но возможно, что Васильчиков и не собирался скрывать своего авторства. Кроме того, перед отправкой в печать рукопись могла подвергнуться и какому-либо редактированию в сторону устранения примет личности ее создателя.

X раздел³⁴ характеризует внешнюю политику правительства Александра II. Для Васильчикова это единственная область политики, которая не испытала влияния консервативной группировки, не знала резкого поворота. Причина заключается в том, что император лично ведет эту сферу политики, не допуская туда советчиков. К тому же два других лица, непосредственно причастных к этой области политики, «Г» и «М» (т. е. А. М. Горчаков и Д. А. Милютин), к консервативной группировке не принадлежат. Внешняя политика полностью одобрялась автором рассматриваемого сочинения.

Заключительный раздел³⁵ подводил итог размышлениям автора над характером современной ему политики. Общий вывод его гласит: «Высшие сферы нашей администрации и светское общество вступили, так сказать, в борьбу с инстинктивными мнениями и тенденциями русского народного быта». И неожиданно оптимистично звучит его прогноз относительно перспектив дальнейшего хода событий. «Мы думаем, — заявляет Васильчиков, — что это временное владычество реакционной партии будет иметь в России скорее полезное, чем вредное влияние для страны и народа и укажет как монарху, так и русскому обществу, что нельзя управлять большим государством посредством людей, не подготовленных к государственному управлению».

Рассмотренное публицистическое произведение А. И. Васильчикова предназначалось быть орудием в общественной борьбе, сокрушать политических противников, вербовать сторонников. Лишь случайно оно не увидело света и осталось неизвестно современникам. Но историки должны рассматривать его в общем русле идейной борьбы того времени. Работа Васильчикова предвосхитила известные публицистические выступления Ю. Ф. Самарина, Ф. М. Дмитриева, К. Д. Кавелина, Л. В. Полонского и других либералов против Р. А. Фадеева после появления его книги «Чем нам быть», отстаивавшей консервативную программу. Работа Фадеева начала появляться в газете «Русский мир» в первые месяцы 1874 г., когда «Тайная полиция в России» была только что написана. Обе эти работы были порождены одними и теми же обстоятельствами, возникли одновременно и состоят в теснейшей между собой связи, будучи произведениями, написанными с противоположных тактических позиций по одному и тому же вопросу. Правда, не следует забывать, что их авторы были люди

³⁴ Там же, л. 40—42.

³⁵ Там же, л. 43—44 об.

одного класса, расхопившиеся лишь в выборе тактики. Перед угрозой революции (на мысль о ней и того и другого наводили, в частности, недавние события Парижской коммуны) два представителя дворянской верхушки взялись за перья, чтобы выяснить вопрос, какая же политика обеспечит монархии и дворянству более надежное будущее. И здесь их представления разошлись.

С. Н. ПОТОЛОВ

**УКАЗ 2 ДЕКАБРЯ 1905 г.
(опыт источниковедческого анализа)**

В истории трудового законодательства царизма, его политики по рабочему вопросу в капиталистическую эпоху указу, подписанному Николаем II в Царском Селе 2 декабря 1905 г., принадлежит примечательное место. Этот документ с весьма громоздким и неуклюжим названием¹ появился в период высшего подъема революции 1905—1907 гг. и был нацелен против массовых политических стачек рабочего класса — ведущей силы революционного движения в России. В этом качестве он хорошо известен в нашей литературе, и на него постоянно ссылаются при характеристике карательных мер царизма против революции. Имеется и подробный его разбор, по преимуществу догматический, в специальной юридической литературе.² Но с указом 2 декабря 1905 г. связывают и формальную легализацию экономических стачек в России, причем иногда этот царский указ как бы раздваивается, на него в разных местах порой одной и той же работы ссылаются как на разные документы.³ Происходит это далеко не случайно. Действительно, упоминание об отмене двух статей (1358 и 1358¹) Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, составляющее всего несколько строчек в достаточно пространным тексте указа — и тем не менее самостоятельный, второй, его раздел (всего в нем было три раздела), выглядит совершенно инородным телом в этом документе, глубоко противоречащим его основному, репрессивному, карательному смыслу. Но все станет на свои места, если произвести источниковедческий анализ указа, выяснить основные обстоятельства его выработки и предысторию.

¹ «Именной высочайший указ о временных правилах о наказуемости участия в забастовках в предприятиях, имеющих общественное или государственное значение, а равно в учреждениях правительственных, и об обеспечении судьбы тех служащих, кои, не принимая участие в забастовках, пострадали от учиненного над ними насилия».

² Полянский Н. Н. Коалиции рабочих и предпринимателей с точки зрения уголовного права. — Учен. зап. Моск. ун-та, Юрид. фак., 1909, вып. 35, с. 249—261, 300—362; Шелыга И. И. Законодательство о фабрично-заводском труде в России. М., 1952, с. 171—176.

³ См.: Советская историческая энциклопедия. М., 1973, т. 14, стб. 938 (ст. «Фабрично-заводское законодательство в России»); Лаврычев В. Я. Царизм и рабочий вопрос в России (1861—1917 гг.). М., 1972, с. 178, 180.